

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Исторический контекст

1.1. Новгород и Ганза

Характерной особенностью новгородской экономической жизни были оживлённые торговые связи в Балтийском регионе. Следствием этого стало строительство в Новгороде иноземных торговых дворов (позднее, с XVI в., такие представительства стали называть «конторами»). Древнейшим из них был Готский двор, основанный скандинавскими купцами с острова Готланд в Балтийском море на рубеже XI–XII вв. В XIV–XV вв. его арендовала Ганза, и он находился в руках у немецких купцов. В конце XII или в первой трети XIII в. возник, уже как изначально немецкий, двор Св. Петра (Петров двор, по церкви Св. Петра, находившейся на нём). Из Новгорода импортировали такие ценнейшие для западноевропейского рынка товары, как пушнина и воск. Сам Новгород был выгодным рынком сбыта западноевропейских товаров, прежде всего высококачественных тканей, соли, серебра. В силу этого немецкое купечество почти постоянно присутствовало в Новгороде вплоть до падения новгородской независимости (Ганзейская контора в Новгороде была закрыта в 1494 г.; дальнейшая её история связана уже с отношениями Ганзы с единым Русским государством). В лучшие годы в Новгороде могли одновременно находиться полторы сотни немцев или даже больше.

Аналогичные ганзейские учреждения, кроме Новгорода, существовали только в таких важнейших торговых центрах эпохи Средневековья, как Лондон, Брюгге (позднее — Антверпен) и Берген (в Норвегии).

Пребывание немцев в Новгороде было неизбежно связано с образованием соответствующей документации. В случае возникновения конфликтных ситуаций, которые в условиях активных торговых взаимоотношений были нередкими, немецкие купцы вынуждены были обращаться к новгородским властям, судиться со своими обидчиками, а о ходе и результатах разбирательств сообщать в ганзейские города, которые отвечали за новгородское направление торговли. Эти послания в дальнейшем обсуждались властями (бургомистрами и советами) ганзейских городов. В конце XIV — начале XV в. такую функцию исполняли главным образом ливонские города: Рига, Ревель (Таллин) и Дерпт (Юрьев, Тарту). Наиболее активные связи с Новгородом установились у Ревеля, этим в первую очередь и обусловлен тот факт, что бóльшая часть документов по новгородско-ганзейским

отношениям отложилась именно в архиве Ревеля (ныне — в Таллинском городском архиве). Значительно меньше интересующих нас документов сохранилось в Риге (ныне — в Латвийском государственном историческом архиве). Это связано с тем, что постепенно основные торговые интересы рижан сосредоточились на Западной Двине, прежде всего на связях с Полоцком. Архив третьего крупного ганзейского города в Ливонии, Дерпта, к сожалению, не сохранился: он погиб ещё в XVI в., во время Ливонской войны. Этим обусловлена бедность ганзейских материалов по Пскову, с которым контактировал преимущественно близко от него находившийся Дерпт. Тем не менее Псков и псковичи упоминаются и в ревельских, и в рижских документах, и такие источники — в том случае, если там содержится интересующая нас информация, также публикуются.

После получения посланий от немецкой купеческой общины возникала переписка по новгородским делам между ганзейскими городами. Для вынесения решений по спорным и сложным вопросам представители ганзейских городов собирались на общие или региональные (в нашем случае — в Ливонии) съезды. Постановления таких съездов с середины XIV в. тщательно протоколировались, записывались и оформлялись в виде сборников постановлений — рецессов¹. В свою очередь, власти ганзейских городов для решения тех или иных вопросов писали новгородским властям или немецким купцам, там находившимся. В связи с подготовкой договоров между ганзейскими городами и Новгородом возникали такие документы, как инструкции послам и их отчёты властям ганзейских городов. Все эти документы мы будем для простоты и экономии места в дальнейшем условно называть новгородско-ганзейскими документами. В их состав мы не включаем договоры между Новгородом и ганзейскими городами, значительная часть которых была опубликована С. Н. Валком в ГВНП в 1949 г. Эти памятники в силу их специфики должны издаваться отдельно, хотя связь между ганзейской перепиской, рецессами и новгородско-ганзейскими договорами несомненна.

С другой стороны, с определённой долей условности мы относим сюда некоторые документы, происходящие из Нарвы: послания нарвских должностных лиц (фогта, хаускомтура), затрагивающие новгородско-ганзейские связи. Формально Нарва не входила в Ганзу и была орденом городом, но фактически принимала активное участие в контактах Новгорода и Ганзы, иногда конкурируя в этом плане с ливонскими ганзейскими городами (особенно в периоды обострения новгородско-ганзейских отношений)². По этой же причине в издание включено и послание из шведского Выборга властям Ревеля (см. также комментарий к № 48).

---

¹ О складывании и первоначальном составе ганзейских рецессов см.: *Behrmann Th.* Der lange Weg zum Rezeß. Das erste Jahrhundert hansischer Versammlungsschriftlichkeit // Frühmittelalterliche Studien. 2002. Bd. 36. S. 433–467.

² *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V). S. 412–414; *Kivimäe J.* Medieval Narva:

1.2. Особенности языка и коммуникации

Языки общения. Как известно, новгородцы в своей международной деятельности, к которой относилась и торговля с Ганзой, пользовались исключительно древнерусским языком (восточнославянским по происхождению, в отличие от южнославянского языка высокой книжности, т. е. церковнославянского, который не имел значения для внешнеторговых и дипломатических отношений с Ганзой). Он до второй половины XV в. служил единственным языком в сфере официально-делового письма и средством письменного и устного общения в официальном и повседневном общении с немецкими партнёрами³.

В городах Ганзы бытовал средневековый нижненемецкий, автохтонный язык северных областей Германии, в эпоху, соответствующую первым контактам с Новгородом, используемый в основном в устном общении и лишь начинающий в XIII в. проникать в сферу права и делового письменного общения⁴. Основным же языком официально-делового письма в это время остается, как и везде в Западной Европе, латинский язык, который в контактах с русскими партнёрами не мог выполнять функцию языка общения. Во всем корпусе новгородско-ганзейских актов нет ни одного латинского юридического документа, составленного русской стороной⁵.

Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion. Narva and the Baltic Sea Region. Beiträge der II. Internationalen Konferenz über die politischen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und der Ostseeregion (Narva, 1.–3. Mai 2003). Papers Presented at the II International Conference on Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States (Narva, 1–3 May 2003) / Hrsg. von K. Brüggemann. Narva, 2004. P. 17–27; *Kivimäe J.* Zwischen Reval und Lübeck. Die Narva-Frage in der Handelspolitik der späten Hansezeit // „Hansisch“ oder „nicht-hansisch“: das Beispiel der kleinen Städte Livlands in der Hanse / Hrsg. von J. Kreem und J. Sarnowsky. Hamburg, 2019 (Hansische Studien. Bd. XXVII.). S. 57–74.

³ О роли древнерусского языка в дипломатических связях Новгорода с Ганзой и немецкого перевода в корпусе ганзейско-новгородских текстов см.: *Сквайрс Е.Р.* Русь и Ганза: модель языкового контакта // Славяно-германские исследования / Отв. ред. А. Гугнин, А. Циммерлинг. Т. 1–2. М., 2000. С. 436–540, здесь с. 455–457, 464–472, особенно 467–471; *Сквайрс Е.Р.* Особенности языка нижненемецких переводов договоров Ганзы с Новгородом (Нибуров мир 1392 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 72–81; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln; Weimar; Wien, 2009. (Niederdeutsche Studien. Schriftenreihe der Kommission für Mundart- und Namenforschung des Landschaftsverbandes Westfalen-Lippe. Bd. 53.). S. 41–52.

⁴ В основе традиции права Германии и его немецкого языка лежит остфальское (т. е. средненижненемецкое) «Саксонское зеркало» XIII в., которое было языковым образцом для грамот и других жанров юридической и официально-деловой сферы.

⁵ Об отношении сторон к латинскому языку см.: *Сквайрс Е.Р.* Русь и Ганза... С. 436–445; *Сквайрс Е.Р.* Нижненемецкий язык Ганзы в Англии, Нидерландах, на Руси: к проблеме международного функционирования языка // Вестник Московского

Средненижненемецкий язык (Mittelniederdeutsch, сегодня Plattdeutsch), распространенный в XIII–XVI вв. на севере Германии, развился на базе древних языков севера Европейского континента (древнесаксонского языка при участии фризского и нижнефранкского) и генетически стоит ближе к английскому языку, чем к своему южному соседу — верхненемецкому (Hochdeutsch). Средненижненемецкий являлся языком всех городов, входивших в состав Ганзейского союза, включая и те, которые были основаны на территориях других языков. Так, расположенные в балтийской языковой зоне города Ливонии Рига, Ревель, Дерпт и другие были нижненемецкими. То же относится и к купеческим городам на землях Тевтонского ордена, как Данциг (Гданьск), Нарва и Феллин (Вильянди), вследствие чего в документах их городских инстанций (в отличие от орденских⁶) преобладает именно средненижненемецкий. Здесь же важно подчеркнуть, что отказ ганзейских городов от латыни и переход на этот родной язык произошел в регионе контактов с Новгородом гораздо раньше, чем в области связей с западными партнёрами Ганзы (Скандинавией, Англией и др.)⁷, а также раньше и последовательней, чем в инстанциях, связанных с Орденом. В последних в качестве языка официальных документов и корреспонденции поначалу сохраняется латинский язык, но примерно в середине XIV в. получил преобладание верхненемецкий⁸.

Языковое единство городов Ганзы укрепились в процессе их постоянного общения, необходимого для управления совместными торговыми предприятиями; в языке городских канцелярий, осуществлявших этот постоянный обмен письменными сообщениями и документами, сглаживались диалектные различия, и уже к XIV в. сложился общий региональный язык, нередко обозначаемый в научной литературе как «нижненемецкий язык Ганзы». Экономический расцвет и политическое влияние Ганзейского союза были основой возникновения этого регионального языка в XIV в. и его распространения в Скандинавии и других соседних землях, вплоть до достижения им статуса

университета. Филология. 2001. № 6. С. 156–171; *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 32–41; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod... S. 74–80.

⁶ *Heckmann D.* Die Ausstrahlung hochmeisterlicher Kanzleien auf die deutsche Sprache und Schriftlichkeit des Spätmittelalters // Die Rolle der Schriftlichkeit in den geistlichen Ritterorden des Mittelalters: innere Organisation, Sozialstruktur, Politik / Hrsg. von R. Czaja und J. Sarnowsky. Toruń, 2009 (Ordines Militares XV). S. 121–132.

⁷ О соотношении латинского и немецкого языков в письменных текстах Ганзы см.: *Сквайрс Е. Р.* Русь и Ганза... С. 442–444; *Сквайрс Е. Р.* Нижненемецкий язык Ганзы...; *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород... С. 48–51; *Squires C.* Die Hanse und Novgorod: drei Jahrhunderte Sprachkontakt // Niederdeutsches Jahrbuch. 2006. Jg. 126. S. 43–87, здесь S. 64–69.

⁸ *Forstreuter K.* Die deutsche Sprache im auswärtigen Schriftverkehr des Ordenslandes und Herzogtums Preußen // Forstreuter K. Beiträge zur preussischen Geschichte im 15. und 16. Jahrhundert. Heidelberg, 1960. S. 7–28.

международного языка дипломатии и торговли на севере Европы от Англии (Лондон) до Руси (Новгород, Псков). С упадком ганзейского могущества утратил свое значение в мире и нижненемецкий язык, постепенно перейдя на положение группы диалектов немецкого (верхненемецкого) национального языка.

В общении с Новгородом средненижненемецкий язык дополняется большим, но ярким скандинавским компонентом, заимствованным из ситуации ранних русско-скандинавских связей (как топонимы на *-gardr*, к которым относится и обозначение Новгородской земли *Holmgardr*, позднее перенесённое на сам город). В документах, представленных в данном издании, такие унаследованные ганзейцами скандинавизмы встречаются в составе гидро- и топонимики, например, *Oldage, Aldagen* «Ладога», *Yngera* «Ижора»⁹; к этой группе примыкает также скандинавское название города Выборга — *Wiborgh, Wyborgh*.

С другой стороны, средненижненемецкий заимствовал из древнерусского языка названия мер весов, денег, товаров, титулов официальных лиц или инстанций и некоторых других реалий, в отношении которых авторы ганзейских текстов не сочли правильным употребление родного слова или проявляли в этом вопросе колебания. Товары, деньги и меры веса — это специфические культурные реалии, для которых иностранный язык, как правило, не располагает собственными обозначениями и поэтому заимствует их из местного языка; к таким заимствованиям относится, например, обозначение русской куны средненижненемецким *kune*. Через номенклатуру товаров, фигурирующих в торговых документах Ганзы в Новгороде, в их язык проникают и другие заимствования, например фламандское название сукна из города Руселаре (*Roeselaere*) — *Rosselersche docen* (см. также ниже, примечание 3 к № 7).

Чины и титулы должностных лиц и названия инстанций могут обозначаться как заимствованными словами, так и аналогичными терминами своего языка. В этом отношении нижненемецкие тексты начала XV в. обнаруживают колебания, употребляя как заимствованные русские обозначения *nameesnicke* «наместник» (№ 8, 9), так и собственные эквиваленты *borchgraf* «посадник» и *hertoch* «тысяцкий» (№ 8, 9, 28)¹⁰.

⁹ Средненижненемецкое название Ладоги *Aldagen* было заимствовано ганзейцами у скандинавов, ср. сканд. *Aldeigjuborg*, которое, в свою очередь, было заимствовано из финского *aaldokas; аналогично средненижненемецкому *Engera, Yngera* «Ижора» — через скандинавское посредничество из финского *Inkeri* (*Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... С. 125–127, подробнее о топонимах и гидронимах см. с. 115–127). В целом о скандинавском компоненте в нижненемецком языке ганзейско-новгородских связей см.: *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... С. 41–47; *Squires C.* Die Hanse und Novgorod... S. 44–46; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod... S. 25–27.

¹⁰ Эти колебания не были беспорядочными; нередко выбор зависит от решения переводчика: один предпочитает *posadnik, tytzadsek*, тогда как другой (переводя, например, тот же самый договор 1392 г.) последовательно придерживается

Переводчики. С самого начала торговых связей Ганзы с Новгородом задачу овладения древнерусским языком партнёра не только для общения в процессе торговли, но и для ведения устных дипломатических переговоров и официальной переписки, а также для обсуждения договорных текстов, взяла на себя немецкая сторона. Знание русского языка считалось у ганзейцев очень важным и ценным качеством для купца, ведущего торговые дела с Русью¹¹. Ганзейские купцы и их молодые помощники, овладевшие русским языком, очевидно, в случае необходимости могли выступать в качестве толмачей или переводчиков, но всё же главная их задача ограничивалась тем, чтобы научиться разговаривать по-русски с новгородцами в быту и в различных ситуациях, связанных с продажей и покупкой товаров.

В качестве языковых экспертов в официальных контактах немцев с русской стороной могли выступить и должностные лица городов (конкретный случай отражен в одном из документов, см. ниже). Для достижения достаточной языковой компетентности существовали учебные пособия-руководства (немецко-русские разговорники, Russisch-(nieder)deutsche Sprachführer), которые сохранились, правда, лишь с XVI в., однако могли иметь и более долгую историю¹². О владении русским языком общения и даже русской грамотностью в период 1400-х гг. говорит следующее свидетельство: когда в 1406 г. имущество новгородской ганзейской конторы передавалось на хранение в Ревель, в его описи значатся книги записей на русском языке, ср. *1 dusch denkebok, 1 breue denkbok, 1 rusch denkebok*¹³.

Однако для ведения официальных переговоров и перевода договорных грамот и других важных документов, включая официальную переписку с Новгородом, которая представлена в данном сборнике, привлекались профессиональные переводчики и толмачи¹⁴. В письмах есть упоминания

соответствующих немецких терминов (*Сквайрс Е.Р.* Особенности языка нижне-немецких переводов...).

¹¹ *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... С. 78–97; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod... S. 36–51, 52.

¹² *Сквайрс Е.Р.* Русь и Ганза... С. 441–442, 451–455; *Squires C.* Die Hanse und Novgorod. S. 53–54; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod... S. 18–20.

¹³ RLU. № 162. S. 128.

¹⁴ О том, как была организована работа переводчиков и толмачей раннего периода (до 1409 г.), известно относительно мало; с конца XIX в. (см.: *Stieda W.* Zur Sprachenkenntnis der Hanseaten // *Hansische Geschichtsblätter.* Jg. 1884. Nr. 13. S. 157–161) эта тема затрагивалась в работах: *Skvairs (Squires) E. R.* Niederdeutsch-russische Sprachkontakte der Hansezeit. Forschungsstand, Entwicklungswege, Aussichten // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum.* I / Hrsg. G. Brandt. Stuttgart, 1996 (Stuttgarter Arbeiten zur Germanistik. Nr. 378). S. 76; *Сквайрс Е.Р.* Русь и Ганза... С. 464–470; *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... С. 84–90, 92–93; *Reitemeier A.* Sprache, Dolmetscher und Sprachpolitik im Rußlandshandel der Hanse während des Mittelalters // *Novgorod. Markt und Kontor der Hanse* / Hrsg. N. Angermann,

о переводе писем с русского языка и на русский язык, из которых можно выяснить, где именно работали ганзейские специалисты по немецко-русскому переводу. Так, в послание властей Дерпта в Ревель от 23 сентября 1405 г. (см. № 14) было вложено письмо, содержащее перевод русского послания, сделанный дерптскими отправителями для ревельцев: *Welkes breues copie vt deme Russchen in Dudesschen ghetolket, ghij hijrynne vindet besloten* «Список этого послания, переведённый с русского на немецкий, вы найдёте приложенным сюда».

Из письма видно, что ревельцам требовался немецкий перевод русского послания; очевидно, у них в городе специалиста для этого не было, и переводом ревельцев обеспечили их адресанты из Дерпта. Далее сказано, что дерптская инстанция уже составила и ответное послание Новгороду, которое — в немецкой версии — тоже прислала Ревелю с припиской, что это тот же самый ответ, который они (дерптцы) собираются в его русской версии отправить Новгороду: *Vp welken breek wij en vnsen breek denken wedder to scriuende, ludende in Russchen also hijrna steit beschreuen to Dudessch* «В ответ на это письмо мы думаем написать им своё послание, в котором будет говориться по-русски то, что ниже написано по-немецки».

В том же письме подробно описана выработанная у ливонских городов схема разделения лингвистических функций: судя по ее описанию (см. № 14), переводчик со знанием русского языка был только в Дерпте: *So latet iuwen willen zetten in ene copie to Dude, vnde zendet vns de so moghe wij se in Russch laten zetten, went wi menen, dat ghi nenen Russchen scriuer en hebben* «Напишите то, что вы хотите, в тексте на немецком языке и пришлите нам, чтобы мы могли перевести его на русский, так как мы полагаем, что у вас нет писца, владеющего русским».

Далее объясняется, как организовать отправку от имени Ревеля такого русского послания, изготовленного в Дерпте. Письмо должно было быть заверено печатью Ревеля, и для этого в Дерпте придуман план, состоявший из двух пересылок такого «русского» письма между двумя городами: *So wille wij iv den Russchen breek wedderzenden mit den ersten, dat gi den bezeghelen, vnde also he bezeghelt is, vns wedder to sendende, dat wij ene mit vnseme breue to Nowgarden zenden* «Мы же, как только сможем, отправим вам русское письмо, чтобы вы скрепили его печатью и прислали его, скреплённое печатью, нам назад, а мы бы его прислали вместе с нашим письмом в Новгород». Таким образом, в Дерпте придумана сложная схема пересылок: от немецкого проекта, составленного в Ревеле, до отправки в Новгород из Дерпта вместе с другой корреспонденцией она включала четыре пересылки между Ревелем и Дерптом.

Менее определённо говорится о письменном переводе на русский язык в письме от 21 августа 1409 г. (№ 63). Немецкая купеческая община в Новгороде сообщает о полученном здесь послании, написанном для Новгорода

во время съезда городов в Пернове, наряду с другим их посланием, адресованным общине: *ghescreven hebben vp der dachvaert tor Pernowe, beide an de Nouwerder unde an vns* «написали на съезде в Пернове, адресованные новгородцам и нам». По-видимому, послание для Новгорода было уже на русском языке (весьма вероятно, что имелось в виду послание, ещё в XIX в. хранившееся в Ревельском городском архиве и действительно написанное по-русски¹⁵); в этом случае в Пернове должен был находиться переводчик, составивший его. Неизвестным остается, из какого города он был, во всяком случае, на съезде присутствовали послы от всех трех ливонских городов, в том числе и Дерпта (см. ниже, примечание 10 к № 63).

Кроме профессиональных переводчиков и толмачей, в событиях, отраженных в документах этого сборника, участвовали и другие люди, знавшие русский язык и в той или иной степени влиявшие на общение сторон. Так, упомянутый в № 17 и 21 Бернд Лемгов, посланный властями Ревеля в Новгород с грамотой для новгородцев, пишет оттуда властям родного города 11 мая 1406 г.: *Des qwemen se des anderen morgens to hope vp des biscofes hof, dar antworde ik en den bref; den tolkede Diderik Stekemes rechtlyken, dar was ik by* «Тогда они на следующее утро пришли вместе на епископский двор, там я им передал послание, его правильно перевёл Дидерик Стекемес, я присутствовал при этом» (№ 21). Очевидно, что с послом Лемговым в Новгороде находится толмач, который упомянут в письме по имени (*Diderik Stekemes*), однако о его происхождении ничего не говорится. На основании письма можно сделать предположение, что и сам Лемгов знает русский язык, потому что он контролирует толмача и подтверждает правильность его устного перевода.

1.3. Архивы и сохранность их материалов

Благодаря первостепенному значению связей Новгорода с Ревелем большая часть документов о новгородско-ганзейских отношениях, как уже говорилось, отложилась в архиве именно этого ливонского города. Обширная входящая корреспонденция, сохранившаяся в подлинниках и современных им списках, пересылавшихся в Ревель властями других городов и общиной Петрова двора в Новгороде, дополняется копиями исходящих писем конца XIV и первых двух десятилетий XV в., записанными в специальную книгу (*Missivbuch*); некоторые подробности взаимоотношений новгородцев

¹⁵ Валк С.Н. Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив. 1956. № 1. Док. № 3. О датировке и архивной судьбе послания см.: Polechov S. Neue russische Quelleneditionen zu den altrussisch-livländischen Beziehungen // Forschungen zur baltischen Geschichte. Bd. 12. Tartu, 2017. S. 11–59, здесь S. 19–20, 54–55; см. также ниже, № 62. Можно назвать ещё по меньшей мере один пример послания из Ливонии в Новгород на русском — письмо властей Ревеля властям Новгорода, написанное в марте 1425 г. См.: Полехов С.В., Гиттиус А.А., Лукин П.В., Сквайрс Е.Р. Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 г.) // Труды Института российской истории. Вып. 16. М., 2021. С. 41–75.

с ливонцами по торговым делам можно узнать из документов, записанных в книги судебных решений ревельского магистрата (*Denkelbücher*).

Основная часть этих материалов, долгое время хранившихся без особой системы в Ревельской ратуше, была упорядочена в 1843 г. ревельским синдиком и бургомистром Фридрихом Георгом фон Бунге (1802–1897) по тематическому принципу; впоследствии к ним добавлялись некоторые другие материалы¹⁶. В годы Второй мировой войны часть архива была эвакуирована в Германию и в конечном счёте попала в Гёттинген, где известный немецкий историк и архивист Фридрих Беннингхофен (1925–2014) попытался реорганизовать Ревельский городской архив по образцу хорошо знакомого ему Кёнигсбергского архива: оба они до 1978 г. находились в Государственном архивохранилище (*Staatliches Archivlager*) в Гёттингене. Он сформировал «Ревельский архив писем» (*Revaler Briefarchiv*, сокращённо *RBA*), а его содержимое упорядочил по хронологии, по принципу «одно письмо — одна единица хранения», и присвоил им порядковые номера, под которыми они иногда упоминаются в литературе. В 1990 г. материалы были возвращены в Эстонию, при этом архивисты отказались от систематизации Беннингхофена и вернулись к принципам фон Бунге. Несмотря на все эти перемещения, сопровождавшиеся некоторыми утратами, архивные материалы дошли до наших дней в относительно хорошей сохранности. Сейчас они хранятся в Таллинском городском архиве, составляя его 230-й фонд («Таллинский магистрат»).

Значительно меньше немецкоязычных документов о контактах с Новгородом сохранилось в архиве Рижского магистрата, или Рижском городском архиве¹⁷ (№ 4, 5, 29, 31, 32, 34, 35, 55, 56). Сейчас они хранятся в Латвийском государственном историческом архиве.

Названными архивами далеко не ограничивается перечень рукописных собраний, в которых сохранились материалы о новгородско-ганзейских взаимоотношениях. Здесь стоит отметить пергаменную рукопись ганзейских рецессов 1361–1405 гг., хранящуюся в библиотеке имения Ледреборг в Дании¹⁸ и содержащую среди прочих список послания властям Новгорода от 2 июля

---

¹⁶ *von Bunge F. G. Nachrichten über das alte Archiv des Rathes zu Reval // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Bd. 3. Dorpat, 1844. S. 293–312; Polechov S. Neue russische Quelleneditionen... S. 18–21.*

¹⁷ О его истории и материалах по истории русских земель см.: *Mahling M. Ad rem publicam et ad ignem. Das mittelalterliche Schriftgut des Rigaer Rats und sein Fortbestand in der Neuzeit. Marburg, 2015 (Studien zur Ostmitteleuropaforschung. Bd. 33); Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич; подг. С. В. Полежаев, В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. Т. 1. М., 2015. С. 8–16 (в этих изданиях указана предшествующая литература).*

¹⁸ См. её описание: *Becker T. A. Den ledreborgske Haandskriftsamling, ordnet og registreret 1844–45 ved Udgifveren (1848). Nr. 6. S. 7–9; Junghans [K. A. W.] Bericht über die Arbeiten für das hansische Urkunden- und Receß-Buch // Nachrichten von der historischen Commission bei der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften.*

1401 г. (№ 8). К сожалению, эта рукопись не была нам доступна, а вторая рукопись со списком того же послания, хранившаяся в Ревеле, была утрачена в годы Второй мировой войны. Поэтому мы опирались на публикацию в HR, выполненную на высоком археографическом уровне.

1.4. Проблемы датировки документов

Существенную проблему при изучении новгородско-ганзейской документации составляет датировка документов. Вплоть до первых десятилетий XV в. послания, как правило, датировались лишь днём — путём указания на близкий церковный праздник; год указывался относительно редко. Показательно, что из 40 документов, публикуемых в настоящем издании по подлинникам, лишь 10 датированы не только днём, но и годом (№ 2, 11, 12, 17, 20–22, 47, 49, 59; разумеется, в списках часть текста, в том числе дата, могла опускаться или искажаться — ср. № 18)¹⁹. Определение года такого источника — задача исследователей и публикаторов²⁰. Применительно к новгородско-ганзейским источникам эту задачу пытался решить уже Ф. Г. фон Бунге, обосновывая их датировки в обширных регестах; часть этих датировок он сам исправил в 6-м томе «Ливонских грамот»²¹, содержащем дополнения и поправки к первым пяти томам. Впоследствии некоторые коррективы в них внесли издатели «Ганзейских грамот» и «Ганзейских рецессов». Но и они смогли датировать некоторые источники лишь общим образом — например, концом XIV — началом XV в.

Иногда дату документа установить относительно легко, например, если его список находится в датированном письме или книге копий исходящих посланий (впрочем, одно и то же послание иногда заносилось в ревельский *Missivbuch* несколько раз, при этом не обязательно выдерживалась строгая хронологическая последовательность). Если же дата не указана, то наиболее

(Beilage zur Historischen Zeitschrift herausgegeben von H. von Sybel). 3. Jg., 2. Stück. München, 1861. S. 58–64; HR. Abt. 1. Bd. 1. S. XIX.

¹⁹ О характере сокращений, которые претерпевали послания при переписывании, позволяют судить те из них, которые сохранились и в подлиннике, и в списке (см. № 28, 33): с одной стороны, сокращалась салютация, переставлялись местами соседние слова, с другой — писцы оперировали привычными им формулами, что иногда также может представлять значительный интерес для исследователя (ср. замену *gemeyne Nowerde(n)* на *gemenen Groten Nougarden* в № 28; выделено нами. — *Сочм.*)

²⁰ С такой же задачей постоянно сталкиваются исследователи истории Тевтонского ордена конца XIV — начала XV в. (см. в особенности: *Jóźwiak S. Wywiad i kontrwywiad w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. Malbork, 2004; Jóźwiak S., Kwiatkowski K., Szweda A., Szybkowski S. Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim w latach 1409–1411. Malbork, 2010; и другие работы тех же авторов). Дело осложняется тем, что и в подлиннике дата могла быть записана в искажённом виде из-за ошибки писца.*

²¹ LECUB. Riga, 1873. Bd. VI / Hrsg. von F. G. von Bunge. Nachträge zu den fünf ersten Bänden des Urkundenbuchs. S. 1–214, 1-я пагинация (далее: LECUB. Bd. VI. Nachtr.).

продуктивным методом её определения для недатированных документов представляется анализ упоминаемых в них реалий. Иногда оказывается существенным анализ почерка (конечно, если есть данные о смене писцов в соответствующей канцелярии).

2. Публикации и исследования

2.1. Немецкие публикации

Основная часть новгородско-ганзейских документов была опубликована ещё в XIX — начале XX в. в ряде многотомных серий, подготовленных немецкими учёными. Пионерское значение имела публикация «Ливонских грамот» (*Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*), начатая Фридрихом Георгом фон Бунге²², продолженная Херманом Хильдебрандом и другими археографами и доведённая до 1510 г. Лишь в 2018–2019 гг. благодаря усилиям Клауса Найтманна, Маттиаса Гумзера и других учёных из Германии увидели свет 13-й и 14-й тома этой серии за 1472–1483 гг.; сейчас продолжается работа над 15-м и 16-м томами за 1484–1494 гг. К настоящему времени тома, изданные фон Бунге, вызывают целый ряд нареканий: это и публикация регестов и текстов документов по отдельности, и малообоснованные порой датировки, и отбор источников для публикации, и неточная передача текстов, при которой фон Бунге фактически полагался на копиистов разных архивов, в отличие от Хильдебранда, который тщательно сверял их с рукописями и сам проводил обширные разыскания в многочисленных европейских архивах от Любека и Стокгольма до Санкт-Петербурга и Москвы. Кроме того, Хильдебранд применил к «Ливонским грамотам» принципы, позаимствованные у школы немецкого историка Георга Вайтца (1813–1886) и в те же годы нашедшие воплощение в публикациях источников по истории Ганзы. Дальнейшие изменения принципов публикации «Ливонских грамот» были уже не столь значительными и касались в основном научного аппарата²³.

Ряд документов по истории Новгорода из архивов Риги и Ревеля был опубликован в «Русско-ливонских актах» прибалтийского историка Карла Эдуарда Напьерского (1793–1864), увидевших свет в 1868 г. Это издание,

²² Подробнее см.: *Kala T. Friedrich Georg von Bunges Quelleneditionen zur Geschichte der russischen Ostseeprovinzen und das Revaler Ratsarchiv // Blätter für deutsche Landesgeschichte*. 2016. Bd. 152. S. 343–367.

²³ *Neitmann K. Geschichte und Zukunft des Liv-, est- und kurländischen Urkundenbuches // Stand, Aufgaben und Perspektiven territorialer Urkundenbücher im östlichen Mitteleuropa / Hrsg. von W. Irgang und N. Kersken. Marburg, 1998 (Tagungen zur Ostmitteleuropa-Forschung. Bd. 6). S. 107–122; Neitmann K. Editionsprinzipien und Editionsempfehlungen des “Liv-, est- und kurländischen Urkundenbuches” in Vergangenheit und Gegenwart // Edition deutschsprachiger Quellen aus dem Ostseeraum (14.–16. Jahrhundert) / Hrsg. von M. Thumser, J. Tandecki und D. Heckmann. Toruń, 2001. S. 259–280.*

как показал уже Х. Хильдебранд, не отличалось точностью передачи текстов²⁴, а подбор источников был далёк от полноты.

Огромную работу по поиску и публикации документов по истории Ганзы проделали издатели двух монументальных серий — «Ганзейские грамоты» (HUB) и «Ганзейские рецессы» (HR). Их подготовка, начатая по плану королевской Баварской академии наук в конце 1850-х гг., далеко превзошла первоначальный замысел инициаторов этого собрания источников, немецких историков Йохана Мартина Лаппенберга (1794–1865), продолжившего дело Георга Фридриха Сарториуса (1765–1828), и Георга Вайтца, и затянулась более чем на сто лет с вынужденными перерывами в годы мировых войн: первый том «Ганзейских рецессов» был выпущен в 1870 г., накануне объединения Германии, напоминая о прошлом немецкого «третьего сословия» (и в этом смысле дополняя многотомную публикацию источников по истории рейхстагов, построенную по тем же принципам), последний — в 1970 г. Составители стремились координировать работу над обеими сериями. Разысканиями был охвачен широчайший круг архивов, главным образом Германии, Северной Европы и Англии, а также остзейских провинций Российской империи. «Ганзейские грамоты» охватывают 975–1500 гг., но содержат лакуны за 1442–1450 гг. (публикация материалов за этот период планировалась во второй половине VII тома, но так и не была осуществлена из-за Второй мировой войны). «Ганзейские рецессы» были изданы четырьмя хронологическими сериями, последнюю из которых удалось довести до 1537 г. В это издание включены не только рецессы ганзейских съездов, но и сопутствующая им переписка.

В наши дни можно столкнуться с критической оценкой обоих многотомных изданий со стороны историков Ганзы: хотя обе серии задумывались как дополняющие друг друга, реализуемые в них принципы отбора источников изначально были противоречивыми (издатели аподиктически, без предварительных исследований определили, какие территории относить к Ганзе, а какие — нет, и установили типологию источников), со временем эти принципы менялись, как и правила передачи текстов источников, в которые публикаторы, впрочем, активно вмешивались²⁵. И всё же значение «Ганзейских рецессов» и «Ганзейских грамот» для изучения истории Ганзы и её отношений с Русью невозможно переоценить, несмотря на обнаружившиеся с течением времени лакуны и неточности, относительно небольшие по объёму, но важные для истории Восточной Европы (см., например, № 7, где публикаторы HR неточно передали название одного из сортов сукна). Значение всех трёх

---

²⁴ *Hildebrand H.* Verbesserungen zu K. E. Napiersky's Russisch-Livländische Urkunden // Mittheilungen aus der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 12. Riga, 1880. S. 259–294.

²⁵ Подробнее см.: *Jahnke C.* Die Reliquien jener grossartigen Bewegung: "Die Recesse und andere Akten der Hansetage" sowie das "Hansische Urkundenbuch" // Hansische Geschichtsblätter. 2019. Bd. 137. S. 1–42.

названных серий состоит ещё и в том, что они, несмотря на все свои недостатки, весьма полно охватили материалы, относящиеся к истории Руси, и поэтому могут служить своеобразными «путеводителями» по собраниям соответствующих архивов. Это существенно облегчает задачу современных исследователей, которые с опорой на указанные издания могут отбирать источники для дальнейшего изучения и определять его пути.

Вместе с тем в последние десятилетия XX в. возрос интерес к изучению грамот Ганзы со стороны лингвистов, объединённых Обществом по изучению нижненемецкого языка (*Verein für niederdeutsche Sprachforschung*), в связи с чем повысилась требовательность к точности транскрипций. В научном сообществе историков нижненемецкого языка в Германии, Скандинавии и Прибалтике сложилось убеждение, что многотомные собрания грамот, в основном рассчитанные на историков, недостаточно точно представляют язык источников и не годятся для лингвистических задач. Язык средневековых рукописей подвергается в них чрезмерно сильной нормализации, традиционно унифицируется употребление *v/u* и *j/i*, автоматически раскрываются и не указываются наализации и сокращения и т. д. Всё это ограничивает возможности работы со старыми изданиями для многих областей исследований.

2.2. Российские исследования и публикации

Российским исследователям новгородско-ганзейские документы долгое время были известны в лучшем случае по указанным немецким публикациям. Они вызывали интерес главным образом у специалистов по истории торговых связей: необходимо выделить работу А. Л. Хорошкевич, которая во многом представляет собой развитие классической монографии Л. К. Гётца²⁶. При этом до недавнего времени язык документов русско-ганзейских связей не исследовался не только российскими лингвистами, но и в Германии, и, несмотря на общий интерес к теме Ганзы в Новгороде, не привлёк внимания со стороны историков немецкого языка, в том числе и Общества изучения нижненемецкого языка (*Verein für niederdeutsche Sprachforschung*), существующего с 1874 г. Впервые лингвистические аспекты новгородско-ганзейских отношений освещены в работах Е. Р. Сквайрс, в которых широко привлекается материал интересующих нас документов²⁷.

Информации же ганзейских документов о внутреннем устройстве Новгорода, несмотря на её уникальный характер, до сих пор уделялось очень мало внимания. В XIX в. её довольно активно использовал А. И. Никитский (1842–1886), но он имел возможность познакомиться только с частью

²⁶ *Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte...*; *Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода...*

²⁷ См. прежде всего: *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002; Squires C. Die Hanse in Novgorod...; Сквайрс Е. Р., Мальков А. В. Новгородская скра. Издание, перевод, исследования. М., 2020.*

документов, поскольку умер в разгар их публикации немецкими археографами²⁸. В советское время ряд очень важных статей на эту тему, в том числе о новгородском вече в первой четверти XV в. по данным ганзейских документов, написал И. Э. Клейненберг²⁹. Были и некоторые другие учёные, которые эпизодически привлекали отдельные ганзейские документы. В настоящее время с ганзейскими документами активно работают М. Б. Бессуднова и её ученики, затрагивающие и вопросы, связанные с историей внешней политики и торговли Великого Новгорода. Ганзейские источники широко использует в своих работах об истории новгородских республиканских политических институтов один из авторов настоящей публикации — П. В. Лукин. В большинстве же своём исследователи Новгорода, в том числе самые авторитетные, либо вообще игнорировали новгородско-ганзейские документы, либо пользовались информацией о них из вторых рук, что приводило, как правило, к ошибкам и неверным интерпретациям.

Лишь недавно была предпринята попытка публикации и перевода на русский язык немецких посланий о новгородско-ганзейских взаимоотношениях. В 2017 г. в Великом Новгороде вышло издание М. Б. Бессудновой, содержащее 86 документов середины XIV — начала XVI в., а в 2019 г. оно было переиздано в Санкт-Петербурге³⁰. К сожалению, результат этой попытки оказался не вполне успешен. Несмотря на проделанную большую работу, значительное количество опубликованных документов и отдельные удачные интерпретации, коих в принципе немало, пользоваться этой публикацией затруднительно. Отбору документов по тематическому или хронологическому принципу исследовательница предпочла публикацию папки с документами из Таллинского городского архива, по словам М. Б. Бессудновой, «используя выборку, возникшую спонтанно, без участия исследователя, так сказать, волею судеб»³¹, хотя в действительности такая подборка — как уже говорилось — плод работы Ф. Г. фон Бунге, собравшего воедино послания немецкой

---

²⁸ См. особенно: *Никитский А.* Очерки из жизни Великого Новгорода // ЖМНП. 1869. Октябрь. Ч. CXLV; 1870. Август. Ч. CXLX; *Никитский А. И.* Отношения новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным // ЖМНП. 1883. Ч. CCXXVIII.

²⁹ См., например: *Клейненберг И. Э.* Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках // История СССР. 1978. № 6; *Клейненберг И. Э.* «Частные войны» отдельных новгородских купцов с Ганзой и Ливонией в XV в. // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. № 3 (13); *Клейненберг И. Э., Севастьянова А. А.* Уличане на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. № 2 (12).

³⁰ *Бессуднова М. Б.* Корреспонденция новгородского Немецкого подворья из Таллиннского городского архива: 1346–1521. Великий Новгород, 2017; Бессуднова, Русская Ганза. Эти публикации очень близки, состав издаваемых документов одинаков, но в новейшей из них тот факт, что это издание второе, не указан.

³¹ Бессуднова, Русская Ганза. С. 17.

купеческой общины в Ревель³². Без публикации внутриганзейской переписки и материалов съездов ганзейских городов или хотя бы подробного комментария контекст публикуемых документов непонятен, а интерпретация ситуаций, которые обсуждаются в посланиях, становится затруднительной.

Публикации М. Б. Бессудновой присущ и целый ряд других недостатков. Проблемы начинаются уже на этапе транскрибирования. Оно оказывается крайне небрежным и неточным, и складывается впечатление, что сокращения в текстах документов обозначаются скобками по случайному принципу: большинство не отмечено никак, возникает вопрос, зачем отмечать остальные? Иногда огрехи в транскрибировании приводят к грубым фактическим ошибкам. Например, в послании от 14 августа 1409 г. (№ 62) появляется персонаж по имени «Ивен фон Вестхоф», поскольку сокращение *vn(de)* издательница приняла за *van*, тогда как на самом деле в источнике говорится о *двух* людях: ганзейских посланцах в Новгороде Ивене (Иване) Эппеншеде и Тидеке Востхофе.

В датировках документов М. Б. Бессуднова некритически следует первым томам LECUB, хотя многие из них — как указывалось выше — были пересмотрены и уточнены в VI томе того же издания, не говоря уже о последующих публикациях и литературе. В результате, если исследователь, не знающий глубоко новгородско-ганзейских источников и связанной с ними историографии, станет использовать издание М. Б. Бессудновой, он допустит серьёзные ошибки в хронологии событий, а его выводы не будут иметь ценности.

Множество ошибок в датировках связано с неверным пониманием западного христианского календаря: это и неправильное отождествление латинских и средненижненемецких названий праздников, и их неправильный перевод на русский язык, и понимание *avendes* как «вечером этого дня» вместо правильного «накануне», и т. д. Так, дату послания от 24 марта 1409 г. М. Б. Бессуднова переводит так: «Писано в Новгороде в год Господа нашего 1409 вечером дня Вознесения Девы Марии»³³. В оригинале между тем читаем: «Ges(creven) to Nouwerden in dem jare Vnses Heyrn XIII^c IX jar op Vnser Vroûven auende Anu(n)c(iac)io(n)is Marie» («Писано в Новгороде в год [от Рождества] нашего Господа 1409 накануне [праздника] Благовещения Девы Марии»). *Avent* здесь означает не вечер самого дня праздника, а вечер накануне оног³⁴, а *Annuntiatio* — не Вознесение Девы Марии (15 августа), а Благовещение (25 марта)³⁵. При этом в издательском заголовке М. Б. Бессудновой указана правильная дата: вероятно, она была позаимствована из LECUB. В переводе другого послания фигурирует «день святого апостола Томаса»

³² Из 63 документов, публикуемых ниже, М. Б. Бессуднова опубликовала 17 (№ 6, 7, 12, 20, 22, 26–28, 33, 40, 43, 47, 49, 53, 59, 62, 63).

³³ Бессуднова, Русская Ганза. № 25. С. 72–73.

³⁴ MHWB. Bd. I / Hrsg. von A. Lasch, C. Borchling, fortg. von G. Cordes. Neumünster, 1956. Sp. 129.

³⁵ *Mediae latinitatis lexicon minus* / Comp. J. F. Niermeyer. Leiden, 1993. P. 46.

(вместо евангельского Фомы, хорошо известного хотя бы по выражению «Фома Неверующий»)³⁶.

Имеются ошибки в интерпретации реалий. Так, в переводе документа от 28 января 1401 или 1402 г. (М. Б. Бессуднова вторую возможную дату игнорирует) фигурируют «розелерское», «томеское» и «лейское» сукна. Относительно первых двух пояснено, что это ткани соответственно из Рёзелара и Сент-Омера в Нидерландах, о третьем комментарий отсутствует³⁷. Первый город правильнее называть Руселаре (Roeselaere), находился он в начале XV в. на территории Фландрии, которая, в свою очередь, принадлежала к владениям великих герцогов Бургундских, ныне — в составе Бельгии³⁸. Сент-Омер сейчас находится тоже в составе не Нидерландов, а Франции, но важнее то, что в этом месте в документе говорится вообще не о сент-омерском («томеском») сукне, а о коминском (коменском, кумском; у М. Б. Бессудновой тут ещё и ошибка прочтения), т. е. о ткани из тогда фламандского, а ныне французского города Комин³⁹. Лейское (лисское) сукно — это ткани из городов на реке Лис (Лейе) в современных Франции и Бельгии⁴⁰. Такая путаница выглядит тем более странно, если учесть, что всё это разбирается в классической работе А. Л. Хорошкевич, причём в том числе — с опорой на данный документ⁴¹.

В переводе документа от 1 июля 1407 г. *stukke sulvers* названы «серебряными гривнами»⁴², хотя такой денежной единицы в Новгороде не было. Речь должна идти именно буквально о штуках или кусках серебра. Так в ганзейских источниках назывались рубли, а до этого — гривны серебра, но не «серебряные гривны»!⁴³

Однако самое печальное, что, несмотря на ряд удачных находок, в том числе при интерпретации сложных мест, перевод на русский язык сложно признать удовлетворительным.

³⁶ Бессуднова, Русская Ганза. № 7. С. 40.

³⁷ Там же. № 2. С. 27–29.

³⁸ Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte... S. 282; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 189.

³⁹ Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte... S. 282; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода... С. 186–187.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 187, 189.

⁴² Бессуднова, Русская Ганза. № 17. С. 55–56.

⁴³ Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. М., 2014. С. 262–291, 454–463; Леймус И. О некоторых русских денежных понятиях, употребляемых среди ганзейского купечества в Ливонии и Новгороде // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. № 1. С. 183; Леймус И. Гривна серебра (*stukke sulvers*) в ливонских источниках до начала XVI в // Российский рубль: 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции, Великий Новгород. 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород, 2017. С. 36–39.

В качестве примера можно привести печатающееся ниже послание немецкой купеческой общины в Новгороде властям Ревеля 22 сентября 1405 г. Там, где в грамоте говорится о том, что послы Великого княжества Литовского и Твери потребовали от Великого Новгорода выдачи (*ěscheden v̆t*) князя Юрия Святославича Смоленского, М. Б. Бессуднова переводит: «выдвигали претензии», хотя по нескольким источникам известно, сколь настойчиво Витовт требовал выдать ему последнего смоленского князя⁴⁴. Великого князя литовского, тверского князя и того же Юрия она называет «королями», переводя так слово *koninc*, которое может равным образом означать и короля, и князя, и в данном случае, несомненно, означало последнее. Оба правителя сами титуловали себя великими князьями и не пытались присвоить себе королевский титул в отношениях с другими монархами, а попытки Витовта добиться королевской короны окончились неудачей⁴⁵. Что касается самих этих слов, то древнерусское «князь» происходит от древневерхненемецкого *kuning* или родственно ему⁴⁶. Латинизированные *Petricius* (Патрикий) и *Mauritius* (Маврикий) передаются как «Петрициус» и «Маурициус», хотя при переводе таких *nomina* на русский окончание опускается («Овидий», а не «Овидиус», «Марк», а не «Маркус» и т. д.). Постоянно встречающийся в новгородско-ганзейских документах *sakewolde* («истец» или «ответчик», в зависимости от контекста) оказывается «представителем», что лишает это слово присущего ему юридического значения. Из перевода даже не вполне ясно, кому именно не хочет Орден возвращать товары и чьи эти товары⁴⁷.

Всё это свидетельствует о том, что публикация документальных источников о новгородско-ганзейских взаимоотношениях по-прежнему остаётся актуальной задачей. Её решению и призвано поспособствовать настоящее издание.

3. Принципы отбора документов для издания

Предлагаемый читателю выпуск новгородско-ганзейских документов по истории Северо-Запада Руси продолжает публикацию важнейших документов XIII–XIV вв., помещённую в приложении ко второму изданию монографии П. В. Лукина⁴⁸.

Для настоящего издания отобраны важнейшие ганзейские документы периода от заключения Нибурова мира 1392 г. до договора между Великим

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 471–472; Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882 (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 6). № 352. P. 136–137.

⁴⁵ *Petrauskas R. Laiškas redaktoriui // Naujasis Židinys – Aidai*. 2013. № 7. P. 457–459.

⁴⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачёва. Изд. 2-е. М., 1986. Т. II. С. 266; *Ekblom R.* Deutsch kunig und litauisch kùni(n)gas // Scando-Slavica. 1957. Т. III. S. 176–177.

⁴⁷ Бессуднова, Русская Ганза. № 9. С. 42–43. Некоторые (далеко не все) ошибки издания М. Б. Бессудновой отмечаются также в примечаниях к переводам документов.

⁴⁸ *Лукин П. В.* Новгородское вече. 2-е изд. М., 2018. С. 539–563.

Новгородом и Ганзой 1409 г., содержащие информацию о Новгороде и — в меньшей степени — о Пскове. Этот период, относительно малоизученный в отечественной историографии вообще, выделяется в истории новгородско-ганзейских отношений. После заключения Нибурова мира наступает определённая стабильность, с чем связано сравнительное малое число документов, а с начала XV в., особенно с 1405–1406 гг., начинаются конфликты. Их главными причинами было стремление Новгорода изменить в свою пользу порядок торговли солью и мёдом (двумя важными товарами, которые импортировались новгородцами через ганзейских купцов) и ограбления новгородских купцов в Ливонии⁴⁹. Благодаря этим конфликтам появляется обильная переписка, задействуются новгородские органы власти и, наконец, в 1409 г. делается попытка разрешения противоречий, завершающаяся заключением соглашения в конце августа — начале сентября 1409 г.⁵⁰ После этого, с 1410 г., в новгородско-ганзейских отношениях появляются уже иные темы, и соответственно, они получают отражение в документации. В общей сложности издаётся 63 документа. В дальнейшем составители планируют продолжение издания новгородско-ганзейских документов, в ближайшей перспективе — за 1409–1417 гг.

В центре внимания публикаторов находится не традиционная тема новгородско-ганзейских торговых связей, которой посвящён ряд первоклассных работ, написанных на материалах новгородско-ганзейских источников. Тем более не привлекаются к изданию те новгородско-ганзейские документы, которые целиком посвящены внутриганзейским отношениям и ситуации на Петровом подворье. Не печатаются также некоторые документы, содержащие информацию о внутренней ситуации в Новгороде, но которые предполагается опубликовать в составе готовящегося нового издания грамот Великого Новгорода и Пскова⁵¹. С другой стороны, в сборник включаются также некоторые документы, не имеющие непосредственного касательства к новгородским делам, но которые были включены в другие грамоты, и без которых понять и правильно оценить их содержание затруднительно.

Итак, акцент сделан на тех документах, в которых содержится существенная информация о внутреннем устройстве Новгорода.

⁴⁹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 87–91.

⁵⁰ Согласно В. Л. Янину, этот договор был заключён не в 1409, а в 1412 г. (Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. № 29. С. 101–102). Однако мы не соглашаемся с этой датировкой, поскольку она основана на неверной интерпретации публикуемого здесь послания немецкой купеческой общины в Новгороде в Ревель 28 мая 1409 г. и не учитывает того обстоятельства, что договор тесно связан с ганзейским съездом в Пернове (Пярну), который состоялся 13 июля 1409 г. Верна традиционная датировка, впервые предложенная Ф. Г. фон Бунге и представленная в ГВНП (№ 49. С. 86–87).

⁵¹ См. их предварительный перечень: *Polechov S. Neue russische Quelleneditionen...* S. 33–55.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. Исторический контекст	3
1.1. Новгород и Ганза	3
1.2. Особенности языка и коммуникации	5
Языки общения	5
Переводчики	8
1.3. Архивы и сохранность их материалов	10
1.4. Проблемы датировки документов	12
2. Публикации и исследования	13
2.1. Немецкие публикации	13
2.2. Российские исследования и публикации	15
3. Принципы отбора документов для издания	19
4. Принципы передачи текста	22
5. Принципы перевода и комментирования	24
6. Вклад составителей и благодарности	24
Список сокращений	26
Тексты документов, переводы и комментарии	27
Хронологический перечень документов	213
Библиография	220
Источники	220
Литература	221
Указатель личных имён	232
Географический указатель	245
Предметный указатель	252

Научное издание

ГАНЗЕЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ
ПО ИСТОРИИ НОВГОРОДА И ПСКОВА.
1392–1409 гг.

Составление, подготовка издания, предисловие и комментарии
П. В. Лукина, С. В. Полехова, Е. Р. Сквайрс

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 30.12.2021. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 21,3. Тираж 300 экз. Заказ № 2403

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Int erste to sprekende. wer ze de cruseffinge holden wille
 he Johan Mebur myt en kuesfinge

It to sprekende vme de vinklude, dat ze dat god to verster-
 pperinge binngen

It to sprekende vme de Fouere de deme expmāne son god
 genomen hebben berde bynere vnde buten Nong

It to sprekende vme de was wichte vū suluer wichte

It to sprekende vme tangel sven to der kerken behoff

It to sprekende vme de bore tustken Nong vū plestoe

It to sprekende vme dat solt dat ze salen van der gaten
 boue

It dat me den van Nong seinge. dat ze geen weme ze en
 god vorkopen to bouge, vū wēt dat sēk dat ene vorkmūde
 dat de expman en nene pēdinge vme liden wil

It dat men den endefften kōman wanne. dat ze nev Nong
 sēk god voren en. de plestoeē land hemloten edde opelan
 wūde wē en mede bebūde, dat he dat suluer vorkmūde

It to sprekende myt den plestoeē. vme de cruseffinge de
 he Johan Mebur makde. myt den Nongarden, vū en na ten
 den plestoeē beleuet vū beufluet warr, also, dat de expmā
 to en vū en. en land mōge velenken vamen vū kerē, vū
 dat de landeffen. edde en amptlic, edde deme, edde
 den enen vordret, edde vmecht deden, dat ze den expmā
 vū den plestoeē. sūder sēk, also sēk dat
 vū cruseffinge

1. Инструкция властей Риги своим послам для переговоров с Новгородом и Псковом.
 Конец XIV — начало XV в., после 1392 г. (№4).
 LVVA, f. 673, apr. 4, k. 18, l. 69. Пергамен. Подлинник.

110 Item alle de van tenal spreken bin den dulle van kemere
wegen dar heuet een ylike stad getogen an creid med
ter negeste dachward in a binnyende

110 Item van den borge mit den russen de zall staen als begrepen
is. ind to spreken sine dat goed binnen land beide to kopen
de ind vorkopende disse zake zall ylike taed ter negesten
dachward sin goed vinkent inbringen

Item hebbe de stad den hen van tub sinderling to sturende
enen brief van de puergeld wegen dar de van der rige af
gesproken ind yeendyge hebbe

Item to nougaldy to sturende dat se dat behot ind een-
den. de to den nste waer. dar pmpofe den van darpe dat
nste dar om. op ente inerto dach alle jaer

110 Item van den jonge inden de
af van den borge dar in gelinde borge bin med vord luthich
warden ind van den kuperien to holden ind anden indosen
de. dit een sulvelken stad hede in to binnyede to der negeste
dachward de yholden herit

2. Материалы съезда послов ливонских городов, собравшихся в Дерпте (рецесс), с включённым в них посланием представителей ливонских городов немецкой купеческой общины в Новгороде с сообщением о решениях съезда, касающихся

Item hebbe de inplandischen stede enes breues dairmit in de geme-
ne stede de nu op pmissien negest volgende to der dachward
to lude borgaderende beiden aldus lidenne

Wof Saloem in vorsichinge erbare hen end leue brunde galene
to liden dat hy inplandischen stede andme Sondag kenne
negest volleden in ier in end tbe ene dachward gesolden hebbe
to darppe dar mank vele anden worden de kussen boden beide van
hangende in den pleiscoulike Suf S barlike beclageden dat de
homestuney to clou liden end man in d'runey metz sulle en sold
end dat homest beclagez worden worden clageden de Sulne russen
boden dat de sold seck to clou liden in de lichte end metz en liden
alfe van aldomy plige to besende d'runey so mosten se in liden
ene lichte make beide to dem hangen in solen ^{de se en geboet en de} d'essen clou
puffen liden en geantde van hie. dy soldant het se mae in
de gemene stede liden dar gebrek ane datme dat te d'andige
ma der cruce kuffinge als dat van aldomy gelick is vorder liden
gean sijt de vorderen kussen van dem boten liden dat de geuel
seck worden end de clou to clou liden dar up en liden geantde liden
datme alsdange hie in den steden der d'urden hie dar de dit
sick d'epma rest metz en maket noch de liden in ere liden gop metz
en velle noch en velle mer liden liden gerne liden mit breue
alfe liden best liden dat et geholen worden alfe van aldomy geholen
is. In hy liden hen end brunde billafulbe lidenheit dy esse
aride end pucte d'ur de gemene d'epma de beste beclagende
liden alfe liden liden gi gemene d'ur. In dat ane d'achwardich
liden liden dat dit gekindigz in ge mae liden in liden liden
in liden dar de liden liden sold seck in liden liden gemaket
worden. dy dat dit gerechtidigz liden alfe van aldomy gelick
is. In mae beclou god sulke lidenheit to langt end liden end
dome d'ur der stad kigo de liden alle liden te gebreken

претензий новгородцев и ганзейских купцов друг к другу.
19 февраля 1402 г. (фрагмент, № 9, 10).
TLA, f. 230, n. 1, s. Br 12-I, fol. 15v-16. Бумара.